

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Мем. Коисачев — 1001. - 17

НЕСРАВНЕННЫЙ БЕРНСТАЙН

С НАЧАЛА я думал, что мы — простая американская семья, как и все. Но потом вдруг заметил, что за нами повсюду следует кинокамера. С течением времени я понял, что и в таком положении вещей есть свои хорошие стороны. Благодаря известности отца мы могли свободно встречаться с разными любопытными людьми, вроде, например, римского папы...»

Это голос одного из детей Бернштейна. Он звучит в начале небольшого фильма «Празднование 70-летия Леонарда Бернштейна», который был снят на пленку в день его рождения три года назад.

Это не просто празднование. Это маленькая рок-опера, которую исполняют в его честь самые близкие люди. Крупным планом — лицо Бернштейна: внимательное... заинтригованное... улыбающееся... безудержно хохочущее. А исполнители с шутливой нежностью каются: «Прости, как-то раз я не предупредила тебя, что вернусь поздно». — «А я в детстве пробовал заточить карандаш в твоём ухе». — «А я оставил вашу дочь в интересном положении», — сокрушается зять Бернштейна.

«Он отличный парень, он супермен, он просто гений! — восхищенно поют они. — Он может разобрать машину! — Нет, пожалуй, все-таки не может».

Но вот уже идут другие кадры. Фильм «Отражение». Совсем иной человек — поглощенный работой, вдохновенный творец. За каждым взмахом дирижерской палочки — небывалое напряжение, за каждым словом — огромная концентрация мысли.

«Основной мотив к сочинению музыки — желание общаться с большим количеством людей. Я люблю их так же, как музыку, может быть, даже больше. У меня существует потребность передать то, что я думаю и чувствую, передать другим...»

Имя Бернштейн значит музыка. Его музыка — это всегда движение, вне зависимости от жанра — будь то симфонии, хоралы, мюзиклы, музыка для балета или кино; Бернштейн как подлинный художник верен своему призванию и своему внутреннему ощущению мира.

В ТОТ московский вечер, посвященный выдающемуся композитору и дирижеру Леонарду Бернштейну, у Новосибирского симфонического оркестра было два дирижера — главный дирижер Бостонской оперы Сара Колдуэлл и народный артист СССР, профессор Арнольд Кац.

Впереди еще была I и II симфонии Бернштейна и его небольшая пьеса, посвященная Ростроповичу, которая так и называлась «Слава», где все музыканты перед заключительным аккордом дружно воскликнут «Слава!», словно бы не только герою произведения, но и самому творцу. Впереди было великолепное исполнение древнего плача пророка Иеремии американской певицей Джанис Майерсон и прекрасная, артистическая игра пианиста Джонатана Шеймса, а музыканты уже настраивали свои инструменты, и в рассыпающихся нестройных звуках уже словно бы чувствовалось присутствие гениальной мелодии Бернштейна.

Дирижер встал за пульт, пианист опустился на стул перед роялем. Неторопливо, мягко вступила музыка, постепенно разрастаясь, заполнила собою весь зал, выхватывая из оркестра и втягивая в себя все новых и новых музыкантов, и увлекла наконец пианиста. Спустя несколько мгновений она владела им полностью. Он то припадал к роялю, словно ему не хватало воздуха, то, в ужасе отпрянув, смотрел на него едва ли не с суеверным благоговением. Иногда он оборачивался, словно за помощью, к дирижеру, но тот, стоя спиной к нему, будто не замечал его отчаянных попыток, и пианист вновь оставался с музыкой один на один. И зал, затаив дыхание, следил за этим поединком...

Алексей ВИНУКОВ.